

МЕХМЕТ РАУФ

Сентябрь

Москва

УДК 821.512.161-31
ББК 84(5Туц)-44
P25

Mehmet Rauf
EYLÜL

Перевод с турецкого *Екатерины Айдынбаш*

Литературный редактор *Влад Чарный*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Рауф, Мехмет.

P25 Сентябрь / Мехмет Рауф ; [перевод с турецкого Е. Айдынбаш]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-187059-1

Суад и Сюрейя женаты уже пять лет. Их жизнь кажется спокойной и размеренной, но однажды летний зной выталкивает их из душного городского особняка к водам Золотого Рога. Ради счастья мужа Суад занимает деньги у отца и снимает виллу на берегу, где Сюрейя может каждый день выходить в море, а она — вести тихую домашнюю жизнь, наполненную заботами, музыкой и ожиданием.

Именно там, среди летних прогулок, морского света и вечерних звуков фортепиано, в их доме все чаще появляется Неджиб — двоюродный брат Сюрейи. Разочарованный в любви, привыкший видеть в женщинах лишь легкомыслие и притворство, он неожиданно открывает в Суад иной мир: самоотверженность, душевную тонкость, верность, красоту, не нуждающуюся в словах. Постепенно восхищение перерастает в чувство, которому нет места в их жизни.

Суад и Неджиб оказываются перед невозможным выбором: сохранить долг — или признать власть сердца. Их любовь не ищет скандала, не требует измены, не решается на бегство — она живет в музыке, взглядах, молчании и мучительном сознании собственной запретности. Но чувство, которому не суждено быть произнесенным вслух, становится тем сильнее, чем безнадежнее оно кажется.

Роман Мехмета Рауфа — тонкая и пронзительная история о любви, обреченной с самого первого мгновения; о совести, желании и тихой трагедии людей, которые слишком благородны, чтобы быть счастливыми.

УДК 821.512.161-31
ББК 84(5Туц)-44

© Е. Айдынбаш, перевод
на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-187059-1

Халиту Зие
Мое первое произведение —
моему последнему учителю
Мехмет Рауф, Тарабья¹

¹ Тарабья — район в европейской части Стамбула.

1

До гостиной доносился смех сидевших в саду гостей.

Сюрейя с раздражительностью, присущей людям, испытывающим хандру, произнес:

— Безрассудная девчонка!

Его жена вышла из больших дверей на балкон и, опершись на перила, выглянула на улицу, а потом вдруг повернулась и весело сказала:

— Какая же прекрасная погода сегодня!

Дождь, который начался полседьмого в этот апрельский вечер, через полчаса уже перестал, но в жемчужных каплях, которые остались от него на зелени листвы, все еще дрожало отражение синего небосвода. Что-то трогательное было во влажном дуновении, исходящем от земли и деревьев.

Молодая женщина прислонилась к краю окна и сделала несколько глубоких вдохов. Она дышала так, будто с каждым вдохом наполнялась жизненной энергией.

Потом она подошла к Сюрейе, окутанному сигаретным дымом, хмурому и мрачному, словно холм посреди сдавшейся на милость зимы степи. Она взяла его за руку и потянула, чтобы поднять его с места:

— Неужели в такую прекрасную погоду лучше сидеть здесь, хмуриться и напрасно злиться на тех, кто веселится? Давай тоже погуляем.

Сюрейя был сегодня вечером в плохом настроении.

— Эй, оставь! — резко сказал он. Сюрейя переносил свою обиду на отца на всех вокруг. Когда они собирались поехать в загородный дом, он так сильно настаивал на том, чтобы поехать на этот раз куда-нибудь на побережье, но так и не смог уговорить своего отца. Дом, который когда-то построили его дедушки здесь, глупо рассчитывая на «этот каменный карьер», каждый год удерживал их от поездок в другие места. Каждую зиму Сюрейя мечтал о Босфоре, но теперь, возвращаясь сюда, на «эту помойку», в эту пустыню, на которой он жил с детства и от которой безумно устал, он понимал, что она надоела ему настолько, что никакие прогулки тут ему не нужны! В отчаянии от того, что не мог ничего изменить в отношениях с отцом, Сюрейя вымещал свою злобу на других. Он находил любой повод, чтобы найти оправдание своему неприятию местной жизни. Поэтому, несмотря на свою обычно радостную натуру, Сюрейя с того момента, как они переехали сюда, то есть уже десять дней подряд был в основном мрачным и раздраженным, и даже по отношению к своей любимой жене Суад он вел себя несправедливо без всякой видимой причины.

Сюрейя взял ладонь Суад, которая держала его под руку, усадил рядом с собой и, вспомнив, что нужно улыбаться, так как он не был на нее обижен, с лишенной радости беглой улыбкой сказал:

— Теперь мы всегда будем в грязи; земля-то уже не та! Если дождь пройдет хоть пару минут, твои ноги будут утопать в грязи, а если ты попробуешь идти, с каждым шагом твои ноги будут тянуть за собой килограммы грязи.

Молодая женщина, с пониманием, которое давала их пятилетняя близость, заметив, что она уже не в силах развеять эту печаль, с сожалением и грустью спросила:

— Тебе, наверное, ужасно скучно?

— Да! И не спрашивай. Разве в этом месте можно жить? О Аллах! А эти часы после завтрака и обеда!..

Утром до обеда, потом вечером... Короче говоря, здесь удушающе тоскливо... Все сидят по углам и мучаются! Я чувствую себя здесь, как на дне огородного колодца!

Суад, нахмутив брови, молчала. Взгляд ее потемнел, она погрузилась в размышления о счастливых днях, проведенных на этом месте, в этой жизни, в которой никогда не было причин для жалоб. Она думала о том, как много лет они прожили здесь, и вдруг захотела сказать: «Раньше ты никогда так не говорил!» Но что это могло бы изменить? Разве можно было решить эту проблему какими-то несерьезными оправданиями и отговорками? Иногда она даже собиралась сказать: «Ну хоть ты поезжай, оставься там, развлекись немного!» Но за пять лет совместной жизни, когда они привыкли все делать вместе, она чувствовала такую глубокую привязанность к своему мужу, что готова была на жертвы ради него. Но вместе с этим Суад считала, что, сказав это, она бы лишь огорчила его еще больше, потому как Сюрейя, заметив ее обиду, начнет снова клясться, но при этом ни одна проблема не решится. Потому что он будет только продолжать разбираться с внешними проявлениями проблемы, но не с самой сутью проблемы. Суад чувствовала, что виноват не дом, не этот дворец. Виноваты были разочарование и тоска, которые разъедали ей сердце. Хоть они и жили в любви и привязанности, но пять лет брака измучили их сердца, а человеческое сердце имеет свойство стареть. Погрузившись в эти страдания, в эти мысли, она молчала, опустив голову. А в это время Сюрейя продолжал жаловаться, высказывая свое недовольство.

— Ах, наши предки! — зывал он, кажется, уже в сотый раз. — Что же им мешало поехать туда, где настоящая красота, в места, которые делают Стамбул Стамбулом, вместо того, чтобы ради виноградников прятаться в этом сущем аду с какими-то непонятными расчетами!.. Но нет — однажды кто-то из них проявил глупость, и эта

глупость стала семейным наследием, словно болезнь, что передается по наследству: все дети и внуки потом стали вынуждены владеть здесь ту же участь, проводить годы в страданиях... Виноградники, виноград... Да разве от них что-то осталось? Филлоксера¹ все погубила... Это место ужасно... Скажи, разве сможет ли мой отец, потратив все до последнего, справиться с этим бедствием?

Потом вдруг Сюрейя разозлился еще больше:

— Ах, эта пустыня! Вот представь: мы на Босфоре или, например, на Принцевых островах... Вот море вокруг... Даже в самые жаркие дни оно способно вдохнуть в человека жизнь! Прохлада... Синева... Услада... А здесь — жди, пока поднимется северо-восточный ветер, аж до трех или до четырех часов... Все в дыму... словно кочегарка какая-то! А пейзаж? Смотреть некуда, все вокруг однообразное, безжизненное... Подумай, Суад: вот была бы у нас своя лодка. Утром пораньше, или поздно вечером — ты захватила бы свой зонтик, а я взялся бы за весла... Неважно, есть луна или нет, — там ночи всегда чудесны!

Говоря об этом, Сюрейя полностью отдавался своим фантазиям. Он говорил с таким удовольствием, будто прямо сейчас находился прямо там, в море.

«Но это же невозможно!» — хотела было воскликнуть Суад, размышляя сейчас вместо своего супруга. Но снова сдержалась, потому что эти ее слова могли помешать ему расправить крылья в тот самый момент, когда он уже почти взлетел в небо к своим мечтам. К тому же эта мысль о невозможности и несбыточности его фантазий снова бы его разозлила. Но об этом сказал сам Сюрейя:

— Но это невозможно, мой отец против!.. Потому что... Потому что он не хочет, ему не нравится. Все

¹ Речь о филлоксере виноградной. Это мелкое насекомое, которое обитает на виноградной лозе и повреждает корни или листья в зависимости от вида винограда. Завезена в Европу в 60-х годах XIX века с американскими сортами винограда.

от этого! Если бы он только пожелал, мы были бы счастливы... Смотри, какое совершенно не важное препятствие стоит на пути к нашему счастью!

Потом он поднял руку и, будто угрожая невидимому врагу, воскликнул:

— Ох уж эти деньги!

Требовалось всего лишь пятьдесят лир.

— Пятьдесят лир, — сокрушаясь продолжал Сюрейя. — И нет возможности их найти.

Затем он вдруг вспыхнул и злобно продолжил:

— И нет возможности! Найти пятьдесят лир просто невозможно!.. Иначе я бы уже давно увез тебя отсюда!

— Ах, как было бы прекрасно! — обрадовалась Суад.

Сюрейя повернулся к супруге и, глядя в ее сияющие от радости глаза, продолжил:

— Как счастливы бы мы были, Суад! Как были бы мы счастливы! К тому же я хотел все это ради тебя, клянусь, все это ради тебя! Ты не говоришь, но я все замечаю. Я вижу, что жить здесь взаперти тебе тяжело. Во-первых, эта духота... Внутри все сжимается... Мы же не какие-нибудь монахи, чтобы жить в монастыре. Жизнь — в толпе и на прекрасном воздухе, не в духоте. Настоящее удовольствие — жить в одиночестве, но в толпе, гулять среди множества людей, а потом вместе сбежать и спрятаться в тихом местечке. Только тогда человеческое сердце понимает, что значит привязанность друг к другу. Я понимаю, как сильно люблю тебя, когда я вижу других женщин. Иногда мне встречаются женщины, которые кажутся мне красивее тебя. Но при взгляде на них я сам себе приношу клятву в том, что никогда не смогу полюбить их так, как люблю тебя. В тебе есть что-то такое, что-то особенное, что совсем не встречается в других женщинах. В тебе есть что-то такое, отчего рядом с тобой все мои тревоги улечиваются. А на душе становится так тихо, так спокойно. Ты губами касаешься моих

глаз — я чувствую, как душа моя тут же рвется к тебе, все мое нутро хочет остаться с тобой и быть счастливым. И особенно сейчас мне кажется, будто не смог бы я быть таким же, какой я есть с тобой, если бы взял в жены любую другую женщину, но не тебя. Не смог бы я быть таким же искренним, как с тобой. Таким же искренним до самой глубины души, до самых ее тонких струн.

Сказав это, он тут же стал целовать глаза Суад, которые находились на уровне его губ. Затем он взял руку Суад в свою и, поднеся к губам, больше ее от них не отрывал. Суад слушала мужа и молчала. Сюрейя жадно и долго вдыхал запах ее шелковистой кожи, а затем простонал:

— Ах, Суад! Если бы тебя не было...

Заметив вопрос в обращенных на него глазах молодой женщины, Сюрейя с искренностью, идущей прямо от сердца, продолжил свою фразу:

— Если бы тебя не было, я бы просто умер, Суад!

Его голос дрожал.

Суад молчала, но выглядела взволнованно. В такие моменты восторга своего супруга Суад всегда хранила молчание, не в силах выразить свои мысли так же, как ее муж. Она словно тонула в желании внезапно обнять его за шею, подавляя безмолвием в себе бушующее пламя преданности. И до сих пор бывало так, что она краснела, будто юная невеста, и не могла выразить свои чувства ни словом, ни жестом. Она подавляла крики, рвущиеся из самой глубины души от волнения. Это привязывало ее сердце к мужу еще сильнее, и в такие моменты вся ее душа устремлялась к нему с силой бурлящего потока, способного сокрушить скалы. Вот сейчас она снова признавалась себе в том, что, если прямо в этот момент ее попросят отдать жизнь ради Сюрейи, она с удовольствием это сделает. Уже пять лет она отчетливо осознавала, что он делает ее счастливой, понимала, какие большие жертвы он приносит как мужчина, будучи со-

вершенно не похожим на других мужей. Она осознавала, что любит он только и только ее, а ее нежность смягчает ее отношение к его поведению и всем его поступкам. Ее детство прошло в атмосфере постоянных ссор родителей, а супружеская жизнь оказалась намного лучше всех ее мечтаний, за что она была бесконечно признательна. Благодаря своей сдержанности, которая свойственна тем, кто не имеет дела со словом, она понимала, с чем связаны эти отношения, размышляя тонко и глубоко. Своим пронизательным духом она чувствовала, что былого огня становится все меньше и что прежняя пылкость с каждым днем все больше угасает, а все чувства возвращаются к обычному своему состоянию. Однако кое-что в их отношениях отнюдь не приуменьшалось, а даже становилось больше. И это — искренность. Суад никогда даже в голову не могло прийти усомниться в искренности своего супруга. Каждый день она замечала, что открытости между ними становилось еще больше, чем накануне, и никогда не сомневалась в этом. Не сомневалась настолько, что при мысли о том, каким был первый год их супружеской жизни, она понимала: уровень откровенности, который тогда казался ей очень достаточным и сильным для укрепления их привязанности друг к другу, на самом деле был совсем не таким, как сейчас. И тогда Суад задавалась вопросом: «Как тогда я была настолько уверена?» Хоть весь пыл и тоска того периода рассеялись, она, будучи осторожной и вдумчивой женщиной, старалась избавиться от грусти, вызванной этим угасанием, предпочитая сегодняшнюю искренность в их отношениях вчерашней.

Сюрейя снова принялся жаловаться на безденежье:

— Послушай!.. Послушай, Суад! Чего только не лишают человека пятьдесят лир! А я ведь мужчина, не так ли? Мужчина, который не может найти пятьдесят лир для того, чтобы сделать счастливой свою жену...

Суад не хотелось видеть супруга в таком жалком состоянии, поэтому она, чтобы он так не думал и не выглядел таким уставшим, сказала:

— Но я люблю тебя таким еще больше. Каждый может стать богатым, но не сможет стать таким, как ты! — А потом, чтобы развеять грусть Сюрейи, добавила: — Раз уж ты не можешь взять и увезти меня на ялы¹, то я возьму тебя и вытащу на балкон... Ночь так прекрасна, что не насладиться ею было бы сродни убийству!

В этот момент из ночного сада снова раздался звонкий, яркий смех.

Суад подошла к окну.

— Вот посмотри на свою сестру... Она с тобой абсолютно не согласна.

Сюрейя тоже вышел на балкон и, рухнув в соломенное кресло, спросил:

— С ней вместе Неджиб?

— Кажется, да, — ответила Суад, взяв с другого кресла накидку и укутавшись в нее.

— Разве ее муж не с моим отцом? Станный брак, странный муж, странная жена... Особенно странная жена!..

— Особенно странный муж! — рассмеялась в ответ Суад.

После этого каждый из них стал отстаивать свое мнение.

Сюрейя утверждал, что его сестра Хаджер, которая, как и всегда вследствие негативного настроения отца, нашла плохого мужа, а уже на первом году брака к супругу своему совершенно остыла и между ними воцарилось холодное равнодушие. Фатин, который был вдумчив и серьезен и из любой ситуации выходил как настоящий джентльмен, вызывал у легкомысленной и веселой, как птица, Хаджер чувство глубокой ненависти.

¹ Ялы — особняки на берегу Босфора, у самой воды.

Сюрейя посмотрел на бесконечно длинные виноградники с одиночными деревьями тут и там, уходящие вдаль прямо к подножию гор, и повторил:

— Сумасшедшая девчонка! Бедняга Неджиб! Чего только он от нее не натерпелся с тех пор, как приехал сюда. Должно быть, он тысячу раз пожалел о своем приезде!

Неджиб был сыном тети Сюрейи. Иногда он приезжал погостить к ним в особняк.

Сюрейя, думая о молодом, красивом и элегантном Неджибе, видит своего зятя Фатин Бея, его сияющий, будто смазанный маслом затылок, его лицо, маленькие хитрые глаза, всегда смотрящие искоса в надежде на какую-то выгоду, его большую голову на слегка приподнятых плечах, склоненную вперед во время еды, что делает его похожим на какое-то животное. И Сюрейе хотелось оправдать Хаджер, признав, что муж ее был крайне отвратительной личностью. Фатин Бей, напротив, как старательный кандидат, вошел в дом бей-эфенди¹, отца своей будущей жены, и делал все для того, чтобы стать неотъемлемой частью этого дома. Он выглядел вполне безропотным и боялся, что вспылчивая и властная Хаджер сделает из Неджиба орудие мести, чтобы сполна воздать за все свои огорчения в браке.

— Нет, мне кажется, что будь любой другой на месте Фатина — Хаджер все равно была бы такой, — произнес Сюрейя после раздумий. — В ней все еще есть это детское озорство, однако его уже никто не будет прощать. Любой, кто увидит ее, может посчитать ее обычной девчонкой, сбежавшей с уроков в школе и играющей в соседском дворе.

Суад встала на защиту Хаджер:

¹ Бей-эфенди и ханым-эфенди — уважительное обращение к старшим в доме, здесь — к родителям Сюрейи.

— Нет, прошу тебя, бей¹. Ты несправедлив. Ты так привык во всем винить Хаджер, что во всем видишь только плохое, что бы она ни сделала. Только представь, какая бедняжка! Она смеется, а мне кажется, будто мне сердце царапают.

И Суад стала описывать состояние Хаджер перед свадьбой. Она рассказала о том, что молодая девушка призналась в своих мечтах, поведала ей о своих надеждах, о представлении того периода, когда девушки становятся женщинами, о своих ожиданиях и стремлениях. А затем Суад рассказала, в каком состоянии находится сегодня эта молодая девушка, нашедшая себе мужа, который вырос среди пожилых служащих, состарился и обленился.

— Вот только подумай, — говорила Суад. — Давай представим... Например, Неджиб мог быть для нее прекрасным мужем. Думаешь ли ты, что она стала бы такой, если бы вышла за него замуж? По правде говоря, если бы так было, возможно, конечно бы, стала. Хотя сейчас Хаджер еще более властная и жестокая, чем раньше. Но, клянусь, она не злая. Ты ее брат, но ты не можешь знать ее лучше меня. Все-таки женщина женщину понимает лучше.

— Неджиб, да... Неджиб стал бы хорошей партией, — пробормотал Сюрейя себе под нос. — Даже мама только о нем и говорила... Но отец сказал: «В семье не может быть такого брака!» Никто не смог ему перечить... Еще я подумал о вот о чем: если Неджиб и хорошая партия для Хаджер, то моя сестра совсем его не достойна. Даже так: она ему совершенно не подходит. Неджибу нужна воспитанная, серьезная, тонко чувствующая женщина. К тому же Неджиб будет избегать брака, словно смерти.

— Да уж, Неджиб странный, — засмеялась Хаджер. — Постоянно говорит: «По-моему, жениться — значит умереть!»

¹ Бей — форма обращения к мужчине в Турции.

— Для Неджиба приехать в эту глухомань, провести тут весну и все лето... Это просто невозможно. Он привык к свободе, привык гулять и веселиться... Ему нужна женщина, которая бы заставила его забыть о прелестях холостяцкой жизни и привязала его к себе!.. Хаджер? Хаджер не смогла бы заставить Неджиба полюбить себя даже месяц. Вот такая девушка, которую мы вырастили.

Суад снова рассмеялась:

— Ну право! Бей-эфенди не должен этого слышать! А то снова чего только не скажет!..

Сюрейя поднял плечи и замолчал.

Воздух стал холоднее, застывая, он будто превращался в воду. Ночь, дрожа прозрачными золотыми с синим отливом каплями, замерзала.

— Холодно! — сказала Суад, ежась и кутаясь в накидку. — Может, пойдем внутрь?

В тот же миг откуда-то раздался громкий голос:

— Невероятно холодно! Невероятно!

Голос принадлежал Неджибу. Суад нагнулась и обратилась к тем, кто был внизу:

— Мы заходим в дом.

— Только не расходитесь! Мы тоже идем в гостиную, — ответила Хаджер словно оледеневшим от холода голосом.

Зайдя в гостиную, Суад закрыла окна. В это время в комнату очень шумно входили Хаджер и Неджиб. Дверь с силой распахнулась, и в гостиную ворвалась Хаджер. Ее маленькое лицо, почти полностью укрытое накидкой, было фиолетовым от холода. Подбежав к Суад, она приложила руки к ее шее, сказав:

— Посмотри-ка, я замерзла?

Неджиб снял свой плащ и оставил его у входа в комнату. Сюрейя подошел к нему:

— Если Хаджер заболит, я тебя не оставляю, Неджиб.

Затем Сюрейя взял его за руку:

— Посмотри, твоя рука тоже замерзла!